

— Начали!

Крик режиссера еще не затих, как окно за спиной Су Яня с треском разлетелось на куски.

Звуков было не слышно.

Мощная волна жгучего воздуха ударила в спину, непреодолимая сила вытолкнула человека прямо в оконный проем.

Пальцы царапнули огуречную оконную раму — острая боль.

Ощущение невесомости захлестнуло его, свист ветра заполнил уши, надетый на нем рваный костюм яростно хлопал на лету, мир перевернулся перед глазами: серое здание, беспорядочный съемочный площадка и испуганные лица людей — всё превратилось в стремительно несущиеся назад размытые пятна.

Единственным ориентиром оставался быстро увеличивающийся гимнастический мат, который казался совсем не толстым.

Время словно растянулось.

Тело падало, сердце замерло.

Удар.

Спина рухнула на мат, тот прогнулся, гася часть силы, а последовавший за этим отскок снова подбросил его вверх.

Все внутренние органы сместились, воздух полностью выбило из грудной клетки, рот был открыт, но издать звук не получалось. При приземлении левая лодыжка неестественно вывернулась под странным углом.

Обжигающая боль взорвалась в щиколотке, расползаясь вверх по кости голени.

Он свернулся калачиком на мате, на лбу выступил холодный пот.

В ушах стоял непрекращающийся резкий звон, заглушающий всё остальное. Лишь несколько секунд спустя до него донесся внешний шум.

— Снято! С первого дубля! — взволновато заорал режиссер.

— Как он там? Не помер?

— Быстро посмотрите!

Несколько рабочих сцены подбежали и окружили мат, глядя на него сверху вниз, словно на сломанный реквизит.

Чернявый посредник с крысиным лицом протиснулся вперед, присел на корточки и смотрел не на травму Су Яня, а только на его лицо.

— Лицо целое? Не испортили? — спрашивая это, он протянул руку, собираясь коснуться лица Су Яня.

Су Янь отвернулся, уворачиваясь.

— Ладно-ладно, главное — не помер. — Посредник нетерпеливо поднялся на ноги, вытащил из кармана помятую пачку купюр, отсчитал три штуки и сунул их в руку Су Яню: — Твои деньги.

Триста юаней, сохранивших чужое тепло тела и пот, прижались к ладони.

Су Янь сжал деньги в кулаке и попытался приподняться с мата, но острая боль в левой лодыжке заставила его глухо застонать и снова рухнуть назад.

Лодыжка распухла на глазах, превратившись в нечто вроде дрожжевой булочки.

Никто не подошел, чтобы помочь ему.

Они просто смотрели. Смотрели на этого безрассудного каскадера, который ради трех сотен был готов рисковать жизнью.

У входа на съемочную площадку поднялась суматоха.

Черный минивэн с плавными линиями, проигнорировав табличку у входа «Съемочная зона, посторонним вход воспрещен», прямо въехал на территорию и остановился посреди хаоса съемочной площадки, а его сияющий кузов совершенно не вязался с клубящейся вокруг пылью.

Шум на всей съемочной площадке словно поставили на паузу.

Режиссер перестал орать, рабочие остановились на ходу, и все взгляды приковались к чужеродному автомобилю.

Дверь открылась, и Гу Ечэнь вышел наружу.

На нем было черное длинное пальто, под которым виднелась идеально сшитая рубашка. Без темных очков его четко очерченное лицо оказалось полностью открыто взглядам окружающих людей. Он просто стоял, но аура вокруг него проводила невидимую границу между ним и этим дешевым, хаотичным съемочным балаганом.

Он пришел.

Су Янь лежал на мате, запрокинув голову и глядя на шедшего к нему человека, и его сердце пропустило удар.

Гу Ечэнь шел целенаправленно, игнорируя застывших зевак. Его кожаные туфли ступали по грязи с глухим звуком, и каждый шаг отдавался ударом в чужих сердцах.

Он подошел к мату, остановился и, опустив веки, посмотрел на лежащего на земле, с ног до головы перепачканного Су Яня.

В его взгляде не было удивления, жалости или гнева — лишь глухое, непонятное спокойствие.

Под ошеломленными взглядами всех присутствующих он опустился на одно колено.

Подол его дорогого пальто испачкался в уличной грязи и пыли.

Он опустился на колени рядом с Су Янем.

Он протянул руку — с тонкими пальцами, отчетливо выступающими суставами. Эта рука пересекла тело Су Яня и точно, бережно легла на его сильно опухшую левую лодыжку.

Кончики пальцев Гу Ечэня источали прохладу, соприкасаясь с пылающей кожей лодыжки Су Яня — контраст был разительным.

— Ах...

Тело Су Яня резко дрогнуло от этого прикосновения, он судорожно втянул воздух от боли, инстинктивно пытаясь отдернуть ногу.

Но пальцы Гу Ечэня чуть сжались.

Усилие было небольшим, но это была неотвратимая хватка. Его лодыжка оказалась накрепко зафиксирована, и пошевелить ею было невозможно.

— Этого ты добивался?

Гу Ечэнь заговорил очень тихо, так, что слышал только Су Янь.

Эти слова не были вопросом — они звучали как ледяное зубило, точно пробившее защитную скорлупу Су Яня.

Су Янь крепко сжал зубы, поднял голову и встретился взглядом с Гу Ечэнем.

В этих глазах таились глубокие водовороты.

— Не твое дело. — Он выдавил эти четыре слова сквозь стиснутые зубы. Его сопротивление сейчас казалось бессильным и смешным.

Гу Ечэнь больше ничего не сказал.

Он поднялся, наклонился, просунул одну руку под колени Су Яня, а второй обхватил за спину и легко поднял его целиком.

Тело Су Яня взмыло в воздух, вынужденно прижимаясь к груди этого человека; он уловил знакомый холодный древесный аромат, исходивший от него. Его щека касалась дорогого пальто, ткань которого была плотной и холодной на ощупь.

Это было абсолютное унижение. Настоящее заточение.

Он попытался сопротивляться, но острая боль в лодыжке и слабость во всем теле не позволили ему приложить хоть капли сил.

— Отпусти меня! — хрипло бросил он.

Гу Ечэнь пропустил это мимо ушей. Держа Су Яня на руках, он развернулся и под гробовую тишину всей съемочной группы зашагал к черному минивэну.

Режиссер, посредник, рабочие сцены и массовка... Все словно оцепенели, просто наблюдая за этой сценкой, переворачивающей все их представления о реальности.

Небожитель с высоты снизошел в грязь.

Он не стал спасать — он собственными руками поднял самую грязную лужу.

Помощник Гу Ечэня распахнул дверцу машины.

Тот уложил Су Яня на мягкое заднее сиденье и сам залез внутрь, усевшись прямо рядом с ним.

Дверь с глухим стуком захлопнулась, отрезая все внешние звуки и взгляды.

Внутри царил совершенно иной мир: тихий, чистый, напоенный тем самым прохладным ароматом, принадлежащим Гу Ечэню.

Су Янь прислонился к кожаному сиденью, а боль в лодыжке все не утихала. Глядя на бесстрастного мужчину рядом с собой, он впервые понял, что значит выражение «некуда бежать».

<http://bllate.org/book/21842/2264538>